

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Baldur Panzer. *Das Russische im Lichte linguistischer Forschung.* München, Wilhelm Fink Verlag, 1995. 320 S. ISBN 3-8252-1836-8.

Рецензируемая книга принадлежит перу известного немецкого слависта, автора многих известных монографий и учебных пособий по славистике, директора и профессора Института славистики Гейдельбергского университета. Долгое время в силу известных причин работы тогда еще западногерманских славистов были труднодоступными для ученых, живших к востоку от Берлинской стены. И хотя это была только политическая граница (а в науке, как известно, границ не должно быть), она все же негативно влияла и на развитие науки, и на осуществление научного обмена в разделенной Европе. Это обстоятельство было одной из причин того, что работы Б. Панцера долгое время были известны в восточной Европе только узкому кругу специалистов.

Особенностью славистических работ Б. Панцера является то, что различные славянские языки исследуются им на широком фоне и в контексте других индоевропейских языков, а также проблем общего языкознания. Это во многом объясняется тем, что его путь в славистику лежал через изучение классических языков, общего языкознания и индоевропеистики в университетах Киля, Гамбурга и Мюнхена. Свою первую диссертацию Б. Панцер защитил в 1961 г. по теме *Die Funktion des Verbalaspekts im Praesens historicum des Russischen* (диссертация была опубликована в 1963 г. издательством Otto Sagner). В 1966 г. в Мюнхене он защитил уже вторую диссертацию *Der slavische Konditional. Form. Gebräuch. Funktion*, которая в 1967 г. вышла отдельной книгой в издательстве Wilhelm Fink. В 1972 г. он был избран профессором Мюнхенского, а в 1974 г. — ординарным профессором Гейдельбергского университета, где стал одновременно и директором Института славистики. Интересно заметить, что профессор Б. Панцер является учеником профессора Э. Кошмидера, который в 1930–1939 гг. работал в университете в Вильнюсе, а в 1939 г. в Мюнхене он сменил в Институте славистики Э. Бернекера, ученика Ф.Ф. Фортунатова, что говорит об определенной тесноте и лингвистического мира.

В основе рассматриваемой здесь работы лежит изданная в 1975 г. книга Б. Панцера *Strukturen des Russischen*. Уже сразу после выхода в свет на нее обратили внимание многие специалисты. В качестве признания тогда еще одного из самых молодых западногерманских профессоров славистики может служить тот факт, что в Москве она была рекомендована для перевода и издания на русском языке. Однако этому проекту не было суждено осуществиться, поскольку он был отвергнут Ф.П. Филиным, тогда могущественным директором Института русского языка АН СССР. Причины его veto носили, по всей видимости, политический характер.

За двадцать лет, прошедших после издания этой книги, вышло большое количество новых работ по русскому и общему языкознанию, которые требовали своего обобщения и учета в дальнейших исследованиях. Поэтому Б. Панцер, осуществляя

новое издание книги, существенно переработал и дополнил ее. Если объем первой книги составил 233 страницы, то второй — уже 320 страниц. Таким образом, речь, по существу, идет не столько о втором издании, сколько о новой работе.

Рецензируемая монография состоит из вводного раздела и четырех частей: “Звуковые структуры”, “Морфологические структуры”, “Синтаксические структуры” и “Семантические структуры”. Из приведенного перечня видно, что Б. Панцером предпринята попытка охватить и описать широкий круг различных и сложных проблем современного русского языка. В результате книга стала своего рода кратким комpendиумом по проблемам современного русского языка.

Особенностью этого компендиума является то, что введение в науку о русском языке является одновременно и введением в науку о языке вообще на материале русского языка. Само по себе это свидетельствует об особом статусе русского языка как для немецкой, так и для мировой лингвистики, а также о большом интересе, который вызван огромным количеством работ в области русистики и, в первую очередь, — работ русскоязычных лингвистов, теоретические положения которых во многом стали стержнем и современного общего языкознания.

В предисловии (с. 9–11) Б. Панцер говорит о целях и задачах своей книги и ее отличиях от других работ. Автор особо отмечает, что им были учтены не только работы русскоязычных лингвистов (таких, как Ю.Д. Апресян, И.А. Мельчук, С.К. Шаумян и др.), но и многих авторов, теории и результаты исследований которых являются малоизвестными или вообще были обойдены вниманием в “консервативных”, по его терминологии, работах советских лингвистов. Цель своей работы автор видит не в том, чтобы она служила в качестве учебника, по которому обучают или учатся русскому языку. По его замыслу, эта книга, посвящена *проблемам описания русского языка*, которые рассматриваются в контексте общих проблем языкознания. И главным для него является не описание самих проблем, а их аналитическое обсуждение, направленное на стимулирование дискуссии. Этим целям Б. Панцер остается постоянно верен; более того, затрагиваемый им круг проблем, их трактовка и предлагаемые решения нередко носят оригинальный характер.

В кратком введении (с. 12–15) говорится о месте русского языка, являющегося родным языком приблизительно для 163 млн. жителей России, русского и русскоязычного населения, проживающего в ближнем и дальнем зарубежье, а также первым иностранным языком для 60 млн. человек во многих странах мира.

В начале первой части книги, озаглавленной “Звуковые структуры”, в качестве основ общей фонетики Б. Панцер выделяет и детально описывает понятийный аппарат трех ее разделов или видов: *артикуляционную, акустическую и аудитивную фонетику* (с. 16–27). После чего автором приводится классификация звуков речи по Р.О. Якобсону – М. Халле (1956–59 гг.) и Н. Хомскому – М. Халле (1968 г.), а также дается детальное описание звуков речи и фонем русского языка, где особое внимание обращается на их различительные признаки, представляемые также в виде различных матриц (с. 31–68). В небольшой главе (с. 68–70) рассматриваются вопросы орфографии, где в схематичной форме оригинально описаны ряд важных правил. Отдельная глава посвящена морфологии русского языка (с. 70–90). Следует заметить, что в немецкой лингвистике на данный раздел языкознания вообще обращается особое внимание. Это подтверждается и тем, что в немецких университетах, в отличие от университетов бывшего СССР, морфология выделена в отдельный курс, а не рассматривается только в рамках фонологии.

Вторая часть книги посвящена формообразованию, где анализируется широкий круг вопросов теоретической грамматики. В первом разделе этой части (с. 91–125) объектом исследования являются *слово и морфема, слово как единица языка, объ-*

екты лексикологии, словообразование, классы морфем и классы слов. Автор обсуждает различные типы классификации слов (М.Н. Петерсона, Д.Н. Ушакова, В.В. Виноградова, А.В. Исаченко и др.), после чего резюмирует признаки, наиболее важные для таких классификаций.

Во втором разделе (с. 126–206) объектом анализа послужили *классы слов, имеющие формоизменение*. Объектом внимания здесь становятся *категория падежа и теория падежа*, а также *категории числа и рода* (с. 127–151). Автор рассматривает и оригинально классифицирует *флексии*, выделяя *чисто падежные флексии*, которые имеют личные местоимения, *флексии, выражающие одновременно падеж и число*, которые присущи именам существительным, а также *флексии категории рода — флексии прилагательных*. Последние, как отмечается, в чистом виде представлены в краткой форме прилагательных, которые употребляются в предикативной функции. У полных прилагательных наблюдается конгруэнция — флексии категории рода комбинируются с флексиями падежа и числа. Из детального рассмотрения здесь выпадают только местоимения, за исключением личных, которым посвящена специальная глава (с. 127–130).

Четвертую группу флексий, которые рассматриваются в данной книге, составляют *лично-временные или глагольные флексии* (с. 151–214). Здесь следует отметить, что среди объектов исследований автора книги глагол является одним из его главных *Schwerpunkti'*ов. (Помимо названных выше монографий, ему принадлежит также сборник статей: Baldur Panzer. *Studien zum slavischen Verbum*. Frankfurt am Main 1991). Поэтому неудивительно, что в трактовке многих сложных и вечно спорных вопросов, таких как *категории времени, аспекта, залога, наклоения* и др., здесь можно найти много оригинальных наблюдений, замечаний, уточнений, обобщений и выводов. Они касаются выявления противоречий, терминологических споров и т.д., при этом автор нередко предлагает свои решения рассматриваемых проблем. Наглядным примером этого может послужить предлагаемая *формально-семантическая классификация типов глаголов* (с. 190–192), согласно которой он выделяет: *фазовые (ингрессивные, эволютивные, делимитативные, результативные* и др.) *и квантифицирующие глаголы (аттенуативные, итеративные, комитативные* и др.). Автором дается множество логически четких по содержанию и лаконичных по форме дефиниций. Выводы и обобщения в этой, как и в других частях книги, постоянно подкрепляются большим количеством различных таблиц, матриц, диаграмм, схем формул и т.п. Лишь в некоторых случаях можно заметить отдельные неточности: так, напр., на с. 148 говорится о том, что краткие прилагательные, употребляемые в предикативной функции, имеют только окончания, указывающие на их род (*"nur Genusflexion"*), между тем, в действительности, они имеют также значение флексии ед. и мн. числа.

В третьем, небольшом по объему, разделе второй части книги (с. 207–214) рассматриваются *классы слов, в которых отсутствуют флексии* — это *наречия, предлоги, союзы и частицы*.

Третья часть работы *"Синтаксические структуры"* посвящена *словосочетаниям и теории предложения*. Она состоит из двух основных разделов. Первый раздел (с. 215–228) посвящен описанию словосочетаний, где приводится их (1) *семантико-синтаксическая классификация*, согласно которой выделяются *подчинительные словосочетания* (с дальнейшим подразделением на *атрибутивные* сочетания, в которых определяемый член содержит объект действия, *релятивные* (или *адвербиальные*) и сочетания, в которых определяемый член содержит субъект действия); (2) *синтаксическая классификация* (классификация по типу связи слов в словосочетаниях), в рамках которой описывается *согласование, управление и примыкание* с их различ-

ными видами; и (3) детальная *морфологическая классификация* — классификация словосочетаний в зависимости от того, к какой части речи относится главное или поясняемое слово. Закljučают этот раздел небольшие главы, в которых рассматриваются *семантические аспекты словосочетаний*, а также их *функциональная роль в составе предложения*.

Объектом исследования второго раздела этой части (с. 229–252) являются *структуры предложения*. Здесь анализируются *определения предложения, понятия членов предложения, обособленные члены предложения или вторичная предикация*, а также вопросы, касающиеся *сложноподчиненных предложений*, и классификация предложений по виду в зависимости от их функции.

Заключительная глава посвящена вопросам синтаксиса в русских академических грамматиках, а в конце содержатся замечания, касающиеся темы *предложение и текст* (с. 252–256). Результаты исследований перечисленных явлений изложены автором в логически компактной форме, многие пояснения, как уже отмечено выше, представлены в виде различных схем и таблиц, что во многом компенсирует ограниченный объем страниц, отведенных на их изложение. Стремление автора к лаконичности вполне понятно: развернутое и детальное описание затрагиваемых явлений, а также подробный их теоретический анализ существенно увеличили бы объем книги и нарушили бы замысел автора — в энциклопедической форме представить главные разделы науки о современном русском языке и описать основные проблемы, связанные с их решением.

Последние замечание релеванты и для четвертой части книги, которая озаглавлена “Семантические структуры” (с. 257–288). Объектом исследования в ней являются вопросы: *значение слова, семантические структуры предложения*, где исследуются два вопроса — *семантические признаки и синтаксическая совместимость*, а также *семантика как основа синтаксиса*.

В приложении дается полный список основной литературы по русскому языку (с. 289–310), который по сравнению с первой книгой (ср. с. 215–225) значительно расширился. Его основу составляют прежде всего работы русских и (в прошлом) советских лингвистов. Для удобства пользования относящаяся сюда литература в конце каждого раздела или главы приводится в сокращенном виде. Той же цели служит помещенный в приложении терминологический и предметный указатель (с. 311–320).

Обычно в рецензиях или обзорах специальное внимание уделяется замеченным опечаткам и отдельным неточностям, неизбежным, наверное, для каждого исследования. В отрицательных отзывах, при отсутствии существенных формальных аргументов, они используются для подкрепления эмоциональных аргументов, на основе которых и делаются порой основные выводы о качестве работы. Этим грешат не только нынешние ученые, живущие к востоку от разрушенной Берлинской стены, но также и те, которые обитают по другую сторону бывшей границы. Проф. Б. Панцер всегда скрупулезно относится к формальной обработке текста своих книг, однако признает вслед за Хр. Стангом неизбежность некоторых указанных выше явлений. В личной беседе он сам отметил отдельные опечатки в своей книге, как, напр., на с. 58 (в строке II следует С' сдвинуть на интервал) или на с. 231 (в конце второй строки сокращения Т и R следует поменять местами). По этому поводу автор рецензии вспоминает, что в Институте языкознания АН СССР в Москве, где учился в аспирантуре, специальное акцентирование таких вещей считалось проявлением научного провинциализма. И хотя в “эмоционально-географическом” отношении здесь наблюдается своего рода метатеза (профессора-эмигранты Сорбонны нередко из Парижки переселяются в Прованс), понятие провинциальности в указанном смысле по-прежнему остается актуальным для лингвистической науки, как в ее западном, так и в восточном ареале.

Завершая рецензию, считаю необходимым еще раз подчеркнуть, что книга Б. Панцера *Das Russische im Lichte linguistischer Forschung* является важным и полезным трудом для развития русского и общего языкознания. По своему содержанию она представляет собою краткую энциклопедию по современному русскому языку и интересным введением в науку о языке на материале русского языка. Книга отражает тот уровень науки, который международная русистика достигла в конце двадцатого века, а также описывает те исходные научные позиции, с которыми эта наука вступает в новое столетие и тысячелетие.

Год 1999 является юбилейным для проф. Б. Панцера. Он принадлежит к тому поколению немцев, которое, как образно выразился бывший канцлер ФРГ, а также воспитанник и доктор Гейдельбергского университета Г. Коль, является “внуками Конрада Аденауэра”. Для многих представителей этого поколения подходит то время, когда уже приходится подводить предварительные итоги своей деятельности, и делать это они могут с гордостью. Считаю необходимым сказать здесь несколько слов о том огромном экстралингвистическом фоне, который стоит за неординарной работой и судьбой ординарного профессора Бальдур Панцера.

Как и другим представителям своего поколения, детям войны, Б. Панцеру повезло родиться несколько позже, чем его старшим товарищам по школе, которым в конце войны в шестнадцать лет или даже в более раннем возрасте пришлось держать в руках фаустпатроны. Однако именно война во многом и определила его профессиональный путь. Он родился в 1934 г. в Западной Пруссии, в местности, населенной немцами, поляками, а также кашубами. Война способствовала его знакомству и с другими славянскими языками. С началом войны здесь стали появляться военнопленные и работники, от которых будущий профессор впервые услышал и стал усваивать украинскую, белорусскую и, прежде всего, русскую речь. В конце войны, с появлением Красной Армии, любознательному подростку пришлось осваиваться с кириллицей, поскольку повсюду стали появляться указатели и таблички с названием мест по-русски. Русские солдаты обогатили его, как он вспоминает, и *Fluchvokabular*, без которого не слышалась живая русская речь. Отношение к русским было особое. Последняя война выработала особый этикет перед ними (“в первую мировую войну мы признавали только англичан, во время второй — только русских”).

О русских, увиденных во время войны, Панцер вспоминает без зла. Хотя в их поведении было много неприятных и непонятных странностей, они нередко поражали своей особой изобретательностью. Профессор вспоминает, как однажды русские “арестовали” его отца, а вся его большая семья до глубокой ночи с тревогой не спала и ждала его возвращения. У всех замерло сердце, когда на дороге появились их лошади как будто с пустой повозкой, но сразу же отлегло от сердца, когда у дома на две повозки испуганные дети обнаружили отца, “убитого наповал” — как оказалось, русским спиртом. Позже выяснилось, что произошло. На полях вокруг были большие бурты мерзлого картофеля, с которым местные немцы не знали, что делать. Русские сразу же обратили на них внимание и поняли их цену, поскольку знали как из кучи казалось бы замершего мусора сделать известный “горячительный напиток”; толковый крестьянин — Панцер старший — и понадобился им для каких-то консультаций, после чего они не могли его отпустить просто так, не угостив. Так что для поколения славистов Б. Панцера знакомство с русским языком и культурой часто начиналось не с А.С. Пушкина или Ф.М. Достоевского, а с непосредственного общения с простыми русскими людьми.

После войны его семья разделила трудную судьбу 12 млн. немцев, изгнанных со своих земель. Эти земли после многих столетий оказались “не исконными” немцами, а “исконные земли” лежали тогда в руинах. Кроме того, и “исконные земли”, как и многие семьи, оказались разделенными новой границей. Панцеры поселились на севере Германии в одной из бедных федеральных земель — Шлезвиг-Гольштейне, а их родственников разметало по обе стороны границы. После войны жизнь была тяжелой. На новой исторической родине большой семье, как и многим другим переселенцам, пришлось начинать с мизерного социального пособия и тяжелого труда.

Тяжело было после войны учиться и в гимназии, а потом и в университете. Но с каждым годом жизнь становилась, как вспоминает профессор, хоть на немного, но постоянно лучше. Тем, кто очень хорошо учился, государство, ставшее истинно демократическим и народным, платило особые стипендии. К числу таких стипендиатов принадлежал и будущий профессор Б. Панцер. Вскоре заговорили об “экономическом чуде”, отцами которого стали К. Аденауэр и Р. Эрхард. Благодаря им был сохранен и создан современный научный потенциал в стране, объединение которой “внукам Конрада Аденауэра” удалось увидеть после стольких лет ожиданий.

Немецким ученым есть чем гордиться. Большой вклад в немецкую науку внесли и сотрудники Института славистики Гейдельбергского университета. В этом большая заслуга принадлежит также и его директору — профессору Бальдуру Панцеру. Говоря о его 65-летнем юбилее, хочу заметить, что профессор, несмотря на свои достижения, является очень скромным и очень требовательным человеком, и требователен он прежде всего к самому себе. О каждой своей очередной книге он часто говорит как о последней (*Das ist mein 'Neues Testament'*), но почти сразу же принимается за переработку старых работ или написание новых.

Кто знаком с профессором лично, тот знает его не только как прекрасного ученого и великолепного лектора, но и как выдающегося рассказчика. Его воспоминания не только образны, но всегда даются на широком и интересном историческом фоне. Во многом они являются ценными свидетельствами своего времени, что делает их общественно значимыми. Представленные выше эпизоды жизни как раз и навеяны этими воспоминаниями. Не без нашей просьбы он уже выступил с интересной статьей под названием: “*Erlebnisse und Bekenntnisse eines deutschen Slawisten. Menschen und Institutionen*” [*Die Slawischen Sprachen*, 55, 1997, 142–148].

Поздравляя профессора Бальдура Панцера с его юбилеем, кроме традиционных пожеланий здоровья и успехов, хотелось бы ему пожелать, чтобы эти заметки он использовал бы со временем в книге, которая действительно могла бы стать его интересным личным “Новым заветом”.

*Олег Поляков,
Вильнюс*

Anna Zielińska. Wielojęzyczność staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Warszawa: Polska Akademia Nauk Instytut Sławistyki, 1996. 190 S. ISBN 83-86619-36-8.

Рецензируемая монография представляет собой докторскую (первую) диссертацию молодой варшавской лингвистики, научной сотрудницы Института славистики Польской Академии наук Анны Зелиньской. В данной работе ею была поставлена задача исследовать русские старообрядческие говоры Польши с упором на социолингвистические аспекты, которые ранее специально не изучались.